

БОЛЬШОЙ
РОМАН

К Н И Г И

Джулиана Барнса

в издательстве
«Азбука»

ШУМ
ВРЕМЕНИ

•

НЕЧЕГО
БОЯТЬСЯ

•

ПРЕДЧУВСТВИЕ
СМЕРТИ

•

ПУЛЬС

Джулиан
Барнс
Пульс

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Б 25

Julian Barnes
PULSE
Copyright © Julian Barnes, 2011
All rights reserved

Перевод с английского Елены Петровой

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-11680-1

© Е. Петрова, перевод,
примечания, 2017
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Агтикус“», 2017
Издательство Иностранка®

Глубокое, искреннее собрание виртуозно выделанных мини-вымыслов.

TimeOut

Барнс в «Пульсе» снова демонстрирует мастер-класс литературной формы.

Saturday Telegraph

Все рассказы в «Пульсе» отличаются той абсолютной завершенностью и плотностью, что свойственна лишь самой лучшей короткой прозе.

New Statesman

Идеально сбалансированный сборник... своего рода пара к недавней блестящей новинке «Нечего бояться».

The Observer

Если кто-то до сих пор почему-то думал, что Барнс холодный, попусту умствующий автор, — пусть прочтет заглавную повесть «Пульс». Остальных же нет нужды убеждать поскорее взяться за эту во всех отношениях примечательную, изящную книгу.

The Telegraph

При всей разноплановости этих историй, объединяет их неизменный и глубокий интерес автора к женской неуловимости, к мужскому буквализму и к той непостижимой силе, что сводит мужчин и женщин вместе или же расшвыривает их в стороны.

The Guardian

Тонкий юмор, отменная наблюдательность, энергичный слог — вот чем Барнс давно пленил нас и продолжает пленять в «Пульсе».

The Independent

В своем поколении писателей Барнс безусловно самый изящный стилист и самый непредсказуемый мастер всех мыслимых литературных форм.

The Scotsman

Джулиан Барнс — хамелеон британской литературы. Как только вы пытаетесь дать ему определение, он снова меняет цвет.

The New York Times

Как антрепренер, который всякий раз начинает дело с нуля, Джулиан никогда не использует снова тот же узнаваемый голос... Опять и опять он изобретает велосипед.

Джей Макинерни

Все рассказы первой части книги перемежаются историями-диалогами из жизни одной семейной пары, к которой приходят гости. Они напиваются и начинают вести пьяно-остроумную беседу. И тогда становится понятно, что Барнс полностью разделяет сентенцию Мандельштама, что всякая семья держится на слове, на цитате, на разговоре. Рассказы второй части сборника не так легко укладываются в готовую схему. Нельзя сказать, что они, мол, об одиночестве или о детстве, хотя детская тема в них не последняя. Но, наверное, все-таки они о том же, о чем и первая часть, — о семье.

TimeOut

В сборнике «Пульс» проза Барнса в переводе Елены Петровой сразу погружает читателя в блаженное состояние покоя. Писатель словно приглушает звук своего голоса, а заодно — и шум вокруг, чтобы все могли обнаружить ту еле заметную пульсацию, которая предшествует возникновению всего ново-

го, будь то любовь и душевная привязанность или, напротив, — разлука и печаль.

Известия

Fine tuning — тонкая настройка — ключевое свойство прозы букеровского лауреата Джулиана Барнса. Барнс рассказывает о едва уловимом — в интонациях, связях, ощущениях. Он фиксирует свойства «грамматики жизни», как выразится один из его героев, на диво немногословно, обходясь кратким диалогом, вскинутой бровью, деталью вроде прилежно разглаженной рубашки или узора на свитере. В итоге и самые обыденные человеческие связи оборачиваются в его прозе симфонией. Идет ли речь о внезапном сближении разведенного риелтора и официантки из прибрежного ресторанчика, робко надеющихся на любовь (рассказ «Восточный ветер»), или о выучивших друг друга наизусть супругах («Огородный мир»), или о двух британских писательницах, близких подругах, но соперницах («Переспать с Джоном Апдайком»), стареющих родителях и привязанном к ним сыне («Пульс») — в каждом Барнс, благодарный слушатель человеческих отношений, различает гармонию, боль и просто красоту.

Майя Кучерская
(*Psychologies*)

Барнсовский шедевр 2011 года — формально сборник рассказов, на деле — нечто вроде романа в историях; во-первых, общие темы (любовь, секс, соучастие, смерть, брак, вторжение в личное пространство, измена, педантичность, время, смерть), во-вторых, система лейтмотивов, в-третьих, внутри большего тела есть меньшее — внутренний цикл из четырех рассказов. <...> Скажем так: хлеб Барн-

са — отношения, хрупкие связи между людьми, области, где не существует абсолютного знания и ни у кого нет монополии на правоту просто потому, что люди — продукты разных обстоятельств, физиологических, географических и интеллектуальных. <...> Обман чувств — неверные знания — и трагикомические ошибки, которые из этого следуют, — вот про что барнсовские рассказы. Рассказы про то, что ни воображение, ни интеллект, ни интуиция не могут уберечь людей от размолвок; и наоборот, бессмысленные, иррациональные поступки... способны мгновенно преодолевать любые расстояния между людьми, даже такой барьер, как смерть.

Лев Данилкин

(Афиша)

Посвящается Пат

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

Восточный ветер

В ноябре огонь уничтожил шеренгу деревянных пляжных домиков; колючий восточный ветер отдирает и подбрасывает в воздух клочья краски. Когда примчались пожарные — депо находилось в двенадцати милях, — они уже ничего не могли поделать. «Хулиганская выходка», — сообщила местная газета; виновных так и не нашли. В региональном выпуске новостей выступил некий архитектор из фешенебельного прибрежного района; он заявил, что пляжные домики были неотъемлемой частью городской социальной среды, а потому их необходимо восстановить. Муниципалитет пообещал рассмотреть все предложения, но дальше слов дело не пошло.

Вернон перебрался в этот город за пару месяцев до тех событий и не парился из-за пляжных домиков. Вообще говоря, с их исчезновением обзор из ресторанчика «Козырное место», где он иногда обедал, явно улучшился. Занимая

излюбленный стол у окна, он теперь видел за полосой асфальта мокрую гальку, тоскливое небо и безжизненное море. На то оно и восточное побережье: месяц за месяцем погода временами паршивая, а в основном — никакая. Его это устраивало: для того он сюда и переехал, чтобы в его жизни не было никакой погоды.

— Что-нибудь еще?

Он даже не взглянул на официантку.

— До Урала, — пробормотал он, глядя на долгое, ровное море.

— Что, простите?

— Пустота, отсюда и до Урала. С той стороны прилетает ветер. Без помех. Через множество стран. — Того и гляди, причиндалы себе отморозишь, добавил бы он в другой обстановке.

— Дауралла, — повторила она.

Уловив акцент, он взглянул на нее снизу вверх. Круглолицая, высветленные прядками волосы, крепко сбитый торс и полное отсутствие официантских уловок, рассчитанных на щедрые чаевые. Не иначе как из Восточной Европы: таких сейчас по всей стране пруд пруди. Нанимаются на стройки, в пабы и рестораны, на уборку фруктов. Приезжают целыми фургонами и автобусами, ютятся в трущобах, чтобы хоть как-то заработать. Одни здесь оседают, другие возвращаются домой. Вернон из-за них не парился. В последнее время он все чаще за собой это замечал: ему было на все плевать.

Пульс

— Вы оттуда?

— Откуда?

— Из тех краев. Отсюда и до Урала.

— Дауралла. Можно так сказать.

Странный ответ, подумалось ему. Впрочем, девушка, наверное, в географии не сильна.

— Искупаться нет желания?

— Искупаться?

— Ну да. Поплавать. Плюх-плюх, кролем, брассом.

— Плавать — нет.

— И это правильно, — сказал он, лишь бы что-то сказать. — Счет, пожалуйста.

В ожидании он снова оглянулся на мокрую гальку за полосой асфальта. Совсем недавно пляжные домики уходили влет по двадцать кусков. Или по тридцать? Впрочем, только на южном побережье. Резкий рост цен на недвижимость, небывалая активизация рынка, кричали газеты. Правда, это касалось других регионов и не той недвижимости, которой занимался он сам. Местный рынок медленно, но верно загнивал; диаграммы продаж оставались ровными, как море. Старики умирают, их дома и квартиры выставляются на продажу, новые владельцы точно так же стареют и умирают. Вот и весь бизнес. Городок не котировался — ни теперь, ни прежде: лондонцы предпочитали селиться вдоль трассы A12 или там, где престижней. Да плевать на них. Он и сам до развода жил в Лон-

доне. Теперь вот работу нашел непыльную, обосновался на съемной квартире, раз в две недели ребятишек забирает к себе на выходные. Когда подрастут, им тут, наверное, скучно будет, начнут нос воротить. Но до поры до времени им нравилось гулять у моря, пускать по воде «блинчики», хрустеть чипсами.

Когда она принесла счет, он сказал:

— Надо нам отсюда сдернуть и поселиться где-нибудь в пляжном домике.

— Я не полагаю.

Она покачала головой, будто восприняла его предложение всерьез. Что поделаешь, английский юмор особой привычки требует.

На него навалилось довольно много дел — подбор вариантов для переезда, косметический ремонт, гидроизоляция, затем подвернулась продажа дома на побережье, — и примерно с месяц он не заглядывал в «Козырное место».

Съев пикшу с грибным соусом, Вернон развернул газету. В Линкольншире один из городов буквально заполонили иммигранты — теперь население наполовину состояло из поляков. По воскресеньям, говорилось далее, в костеле собирается больше прихожан, чем в англиканской церкви, — так много стало выходцев из Восточной Европы. Но его это не касалось. У него, кстати, были знакомые поляки — каменщики, штукатуры, электрики, — и он к ним относился вполне терпимо. Не халтурят,

Пульс

дело свое знают, исполнительные, надежные. А британцам-шаромыжникам, подумал Вернон, давно пора дать пинка под зад.

В тот день вышедшее из-за туч солнце низко зависло над водной гладью, слепя ему глаза. Март близился к концу, и весна ощупью пробиралась даже в это береговое захолустье.

— Поплывать не надумали? — спросил он, когда она принесла счет.

— О нет. Плавать — нет.

— Я так понимаю, вы из Польши.

— Меня зовут Андреа, — ответила она.

— Мне-то все равно, из Польши или еще откуда.

— Мне тоже.

Закадрить девушку для него всегда было проблемой: вечно с языка слетало что-нибудь не то. А после развода стало еще хуже — впрочем, куда уж хуже? — потому что душа не лежала к таким делам. А к чему у него лежала душа? Об этом — потом. Сейчас о флирте. Он прекрасно знал, какое выражение появляется в женских глазах, если ляпнуть что-нибудь невпопад. Откуда только такие берутся, говорили эти глаза. Ну, флирт, в конце концов, занятие обоюдное. А он, видно, стареть стал. Тридцать семь лет, отец двоих детей: Гэри (восьми лет) и Мелани (пяти лет). Именно так было бы написано в некрологе, если бы поутру волны выбросили его тело на берег.

— Я — риелтор, — сообщил он.

Эта подробность тоже не способствовала флирту.

— Что это значит?

— Дома продаю. Квартирьы. Предлагаю жилье в аренду. Комнаты, квартирьы, дома.

— Это интересно?

— Это зароботок.

— Зароботок надо всем.

Ему вдруг подумалось: нет, ты тоже не мастерица флиртовать. Может, на родном языке тебе легче, но на английском — просто беда, так что мы с тобой — два сапога пара. И еще он подумал: на вид крепкая. Может, мне такая и нужна — крепкая. Похоже, мы ровесники. Да какая, в сущности, разница. Не назначать же ей свидание.

Он назначил ей свидание. Куда пойти — выбор был невелик. Одна киношка, два-три паба, несколько кафе и ресторанчиков, причем в одном из них она работала. Что еще — зал для игры в бинго, где собирались в основном старики, чьи квартирьы он будет выставлать на продажу после их смерти, да еще клуб, где тусовались какие-то заторможенные готы. Малолетки ездили по пятницам в Колчестер и закупали там дурь, чтобы хватило на выходные. Кто-то из них, как пить дать, и подпалил пляжные домики.

Поначалу он проникся к ней симпатией за то, чего в ней не было. В ней не было ни тени жеманства, болтливости, наглости. Ее не сму-

Пульс

щало, что он агент по недвижимости, разведен, с двумя детьми. Другие женщины, быстро смекнув, что к чему, говорили «нет». У него вообще сложилось такое впечатление, что девушка скорее свяжется с женатым — хотя это паскудство, — чем с мужиком, оставшимся у разбитого корыта. Впрочем, оно и неудивительно. А эта не возражала. И не задавала лишних вопросов. Кстати сказать, и сама на вопросы не отвечала. Когда у них дошло до поцелуев, он решил выяснить ее национальность, да потом забыл.

Пригласил ее к себе, но она отказалась. Сказала, что придет в другой раз. Несколько дней у него был мандраж: все не получалось представить, как он после такого перерыва ляжет в постель с совершенно другой женщиной. Он укатил по приморскому шоссе за пятнадцать миль, туда, где его никто не знал, чтобы только купить презервативы. Не то чтобы стыдился или комплексовал — просто не хотел сплетен и домыслов.

— Это хорошая квартира.

— Ну, если риелтор не способен найти для себя приличную квартиру — грош ему цена.

Она принесла с собой дорожную сумку; переоделась в ванной и вышла в ночной рубашке. Они легли в постель и погасили свет. Ему показалось, что она как-то скованна. Да и за собой он заметил то же самое.

— Давай просто калачиком, — предложил он.

— Что это значит — «калачиком»?

Он показал.

— «Калачиком» — значит без секса?

— Да, калачиком — это просто полежать.

— Хорошо, калачиком.

Вскоре они расслабились, а там и уснули.

На следующий раз, после недолгой прелюдии, он с трудом вспомнил, как управляться со скользкой от смазки «резинкой». Понятно, что презерватив надо разворачивать с аккуратностью, но он стал натягивать его, как носок, лихорадочно дергая за край. В потемках ничего не получалось. Женщина молчала, не фыркала и не кашляла, и вскоре он повернулся к ней. Она подняла до пояса ночную рубашку, и он лег сверху. Мозги отчасти затянула похоть и близость, а отчасти — пустота, будто он не мог взять в толк, что вообще происходит.

Тогда, в первый раз, его не особенно заботили ее ощущения. Его заботили свои собственные. О женщине начинаешь думать позже.

— Тебе было хорошо? — спросил он через некоторое время.

— Да, это было хорошо.

В темноте Вернон рассмеялся.

— Ты смеешься надо мной? Тебе это не было хорошо?

— Андреа, — сказал он, — все отлично. Никто над тобой не смеется.

Пульс

Когда она уснула, он подумал: а ведь мы оба начинаем заново. Не знаю, что у нее было в прошлом, но я же вижу: мы оба начинаем с нуля, и это неплохо. Все отлично.

В следующий раз она вела себя более раскованно и даже обхватила его ногами. Он так и не понял, кончила она или нет.

— Ух ты, сильная какая, — сказал он, отдышавшись.

— Сильная — плохо?

— Нет-нет. Что ты. Сильная — это хорошо.

Но при следующей встрече он заметил, что она больше не стремится это повторить. Кроме того, ей не нравилось, когда он ласкал ее грудь. Нет, не совсем так. Видимо, она просто не реагировала. То есть если у него возникало такое желание — пожалуйста, но это было как бы для него, а не для нее. Во всяком случае, так ему казалось. А где сказано, что в первую неделю необходимо прояснить все детали?

Он даже радовался, что они оба не умеют флиртовать: флирт — это обман. Андреа никогда с ним не хитрила. Она была неразговорчива, но слово свое держала. На свидания приходила вовремя и стояла в назначенном месте как штук: высматривала его, время от времени убирая с лица прядь волос и прижимая к себе сумку крепче, чем требовалось в этом городке.

— Ты надежная, не хуже поляков-строителей, — как-то раз заметил он.

- Это есть хорошо?
- Это есть очень хорошо.
- Так правильно выражение?
- Отныне — да.

Она просила, чтобы он исправлял ее ошибки. Он научил ее говорить «не думаю» вместо «я не полагаю», но на самом деле ему нравилось, когда она строила фразы по-своему. Понимал он ее без труда, а легкие неправильности речи придавали ей изюминку. Наверное, он не хотел, чтобы она заговорила как англичанка, — опасался, что тогда она и вести себя начнет как англичанка... то есть как одна известная особа. И уж меньше всего ему хотелось изображать наставника.

Так же и в постели. Пусть все идет, как идет, говорил он себе. Если она никогда не снимает ночную рубашку, значит у католиков так принято — хотя она ни разу не обмолвилась, что ходит в костел. Когда он просил ее сделать что-нибудь особенное, она не отказывалась и вроде бы даже получала удовольствие, но сама не высказывала никаких желаний — ему даже казалось, что интимные прикосновения его руки ей не особенно приятны. Но он по этому поводу не парился — ее же никто не принуждал.

К себе в гости она его не звала. Если он подвозил ее домой, она тут же устремлялась по бетонированной дорожке — он даже не успевал поставить машину на тормоз; а в ожидании

Пульс

встречи всегда стояла на тротуаре. На первых порах это было само собой, потом превратилось в какую-то нелепость, и он попросил разрешения зайти к ней в квартиру, буквально на минуту, чтобы получить представление, где она обретается, когда они не вместе. Они вернулись к подъезду (дом заблокированный, на две квартиры, обе сданы внаем; постройка тридцатых годов прошлого века, наружное покрытие — декоративная штукатурка; металлические оконные переплеты с заметными признаками коррозии); она отперла дверь. Взгляд риелтора тут же оценил размер жилой площади, меблировку и порядок арендной платы; взгляд любовника выхватил комод, фотографии в пластмассовых рамках и открытку с изображением Девы Марии. Узкая койка, крошечная раковина, бросовая микроволновая печь, маленький телевизор, одежда на вешалках, зацепленных за хлипкую рейку для картин.

Через минуту они уже вышли на улицу, но мимолетная обнаженность ее жизни задела в нем какую-то струнку. Чтобы себя не выдать, он сказал:

— Красная цена — пятьдесят пять. Плюс коммунальные услуги. За те же деньги могу подыскать тебе что-нибудь попросторнее.

— Привыкла так.

С наступлением весны они стали ездить в Суффолк, где имелась недвижимость в традиционном английском стиле: фахверковые дома,

не требующие гидроизоляции, тростниковые крыши, которые сразу взвинчивают страховку. Как-то раз они остановились у пригородного парка и сели на скамейку возле пруда, но ей там не понравилось, и они пошли осматривать собор. Он надеялся, что она не станет расспрашивать его о различиях между англиканством и католичеством или о причинах раздела церквей. Каким-то боком в этом был замешан Генрих VIII, которому приспичило заключить повторный брак. Монаршие причиндалы. Если вдуматься, все завязано на сексе. Но у нее, по счастью, никаких вопросов не возникло. Теперь она привычно брала его под руку и чаще улыбалась. Вернон дал ей ключ от своей квартиры; она понемногу начала оставлять у него кое-какие вещи. Как-то в воскресенье он, не зажигая света, потянулся к тумбочке и обнаружил, что презервативы закончились. Невольно ругнулся; пришлось объяснять, что к чему.

— Ничего, все нормально.

— Нет, Андреа, какое, к черту, «нормально». А вдруг ты залетишь?

— Не думаю. Залететь — нет. Все нормально.

Он не стал спорить. Позднее, когда она уснула, он задумался над ее словами. Что она имела в виду: что не может иметь детей? Или для верности глотает таблетки? Интересно, какого мнения на этот счет Дева Мария? Нельзя же — вдруг пришло ему в голову — полагаться на метод ес-

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Восточный ветер	13
У Филя и Джоанны: 1. На шестьдесят процентов	37
Переспать с Джоном Апдайком	57
У Филя и Джоанны: 2. Апельсиновый джем ...	80
Огородный мир	100
У Филя и Джоанны: 3. Где руки?	127
Вторжение	147
У Филя и Джоанны: 4. Один из пяти	167
Брачные узы	189

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Портретист	203
Соучастие	223
Гармония	242
Каркассон	281
Пульс	297

Примечания. <i>Е. Петрова</i>	345
-------------------------------------	-----

Барнс Дж.

Б 25 Пульс : рассказы / Джулиан Барнс ; пер. с англ. Е. Петровой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2017. — 352 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-11680-1

Лауреат Букеровской премии Джулиан Барнс — один из самых ярких и оригинальных прозаиков современной Британии, автор таких международных бестселлеров, как «Шум времени», «Предчувствие конца», «Англия, Англия», «Попугай Флобера», «История мира в 10^{1/2} главах», «Любовь и так далее», «Метроленд» и многих других. Возможно, основной его талант — умение легко и естественно играть в своих произведениях стилями и направлениями. Тонкая стилизация и едкая ирония, утонченный лиризм и доходящий до цинизма сарказм, агрессивная жесткость и веселое озорство — Барнсу подвластно все это и многое другое. В своем недавнем сборнике Барнс «снова демонстрирует мастер-класс литературной формы» («Saturday Telegraph»). Это «глубокое, искреннее собрание виртуозно выделанных мини-вымыслов» («Time Out») не просто так озаглавлено «Пульс»: истории Барнса тонко подчинены тем или иным ритмам и циклам — дружбы и вражды, восторга и разочарования, любви и смерти...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ДЖУЛИАН БАРНС
ПУЛЬС

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Екатерины Киселевой
Корректор Анна Быстрова

Подписано в печать 19.01.2017. Формат издания 84 × 90 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 12. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах

на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

YSMN1970701R